



ЛЮДМИЛА
ПОПОВА

Горстка черешен

сборник рассказов

Людмила Попова

Горстка черешен.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715040

ISBN 9785448516108

Аннотация

В сборнике самые разные рассказы: впечатления о поездках, о гениальных и самых простых гражданах, размышления о переменах в нашей стране и человеческих судьбах. Здесь события в Чечне и на Украине, представленные через призму моих наблюдений и переживаний. А самое главное, наверное, в рассказах – моя любовь к людям и стремление угадать их предназначение. Я люблюсь ими, болею за них и стараюсь, как могу, защитить от ошибок и бед.

Содержание

Актриса	5
Горстка черешен	16
Во чреве городской маршрутки	24
Девочка на пригорке	30
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Горстка черешен Сборник рассказов

Людмила Попова

*Человеческая жизнь – прекрасная, но никем
не разгаданная загадка.*

Л. Попова

Люди, я любил вас, будьте бдительны!
Ю. Фучик

Иллюстратор Сергей Карпов

© Людмила Попова, 2017

© Сергей Карпов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-1610-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Актриса

Моей любимой актрисе Е. М. посвящаю

На основании реальных событий автор создал свою фантазию, где все действующие лица вымышлены.

Елена открыла глаза и увидела перед собой доктора. Он стоял к ней боком и смотрел в окно. Утро? День? Ночь? Какая разница. Она привыкла, что возле неё дежурят круглые сутки, 24 часа, потому что случай особо тяжёлый и ещё потому что она знаменитая актриса.

Доктор, видимо, почувствовал на себе её взгляд, оглянулся и подошёл к кровати.

Она ничего не ощущала, то есть совсем освободилась от мучений. Раньше невыносимая боль терзала с головы до ног, словно тысячи злобных ос без конца вонзали в неё ядовитые жала. От болеутоляющих и снотворных боль только притуплялась. А теперь ушла напрочь.

- Ну, как? – спросил доктор.
- Лучше! Намного... Совсем хорошо.
- Зачем же ты, голубка, так сделала?
- Чтобы им доказать, что они меня достали! Что я не могу больше!
- Ты хотела наказать их?

– Да!

– А наказала себя. Только себя. Да так жестоко, как злейшего врага...

– Пусть им икнётся!

– Кому им?

– Тем, кто меня достал.

– Им? – переспросил доктор.

И она вдруг увидела падающую, как от побоев, рыдающую женщину, исхудалую, с запавшими глазами, в которой с трудом узнала мать. Ещё недавно красивая и моложавая, как она состарилась! Рядом отец, всегда излучающий здоровье и веселье, теперь сгорбившийся, с застывшим, будто окаменевшим лицом, непослушными трясущимися руками записывал из стакана какое-то лекарство...

Сердце её дрогнуло от жалости, и она заплакала.

А потом увидела тех, с кем общалась в последнее время. Они что-то отмечали по обычаю, нарочито громко смеялись, чокались и выпивали крепкие напитки, закусывая салатом и нарезкой.

– Напугала ежа голым задом, – сказала одна, насмешливо фыркнув. Другие весело захихикали.

– «Ежа», – повторил хриплый мужской голос, – «голым задом!» – и захохотал. – Никогда не видал её голого зада!

– Наверное, ничего её задок, – подхватил другой, вытирая мокрый рот салфеткой. – Красотка, вообще-то, была, но дурафья!

– Ещё какая дурафья! – подтвердила первая баба, что сказала про ежа. – А вам, мужикам, только смазливая мордашка и нужна. Талантливая, талантливая! Какая, к свиньям, талантливая?! Разве умная надумает такое сотворить?!

– И то правда! – вступила в разговор полноватая матрона неопределённого возраста. Никакого таланта, дурь одна! И выпивоха была ещё та! Эй, налейте кто-нибудь водочки! – И она протянула свой стакан. – Ну, как кончилась? Вон же бутылка начатая стоит! Водку я сквозь стену увижу, не спрячете!..

Ей ответил громкий пьяный хохот.

– Это они смеются надо мной, зная, как мне больно! А я-то, глупая, думала, что будут жалеть и раскаиваться. Ах, какая я глупая! Я их только развеселила, распотешила... Хотела, чтобы они почувствовали мою боль и содрогнулись, а они трясутся от смеха...

Слёзы потекли ещё обильней.

– Наконец-то от неё отделались!.. Надоела!.. Слишком много о себе понимала!.. Слишком много занимала пространства!.. С ней было тесно!..

Ни одного голоса сострадания, ни одной нотки сочувствия.

– Боже мой, что я наделала?! Сыграла на руку врагам, осчастливила тех, кто ненавидел...

– Ты вспомнила о Боге? Но не слишком ли поздно? – раздался негромкий и ласковый голос доктора. – Он одарил те-

бя талантом, ты отблагодарила его за это? Ты спросила его благословения, задумав своё страшное мщение?

– Я никогда не верила в Бога...

– Неблагодарная! Ты и про родителей забыла. Сколько писем ты написала матери и отцу?

– Не помню...

– Одно или два? А они болели за тебя...

– Как я виновата!

На белой больничной подушке по обе стороны головы расширялись мокрые пятна...

Теперь она увидела мужчину на набережной, у самой кромки воды, плачущего громко, навзрыд, как ребёнок. Мужчины ведь не плачут, что такое могло с ним случиться? Он испуганно оглянулся, словно боясь быть застигнутым врасплох...

– Серёженька! – задохнулась от жалости Елена. – Что с тобой, миленький? Только не вздумай надеть глупостей, отойди от воды! Слышишь, умоляю, отойди от воды! Умоляю... Это он через меня, – догадалась вдруг она. – Это через меня. Это я ему причинила такие страдания. Если бы я знала! Если бы я могла заранее узнать, что ты будешь так убиваться! Миленький мой, миленький мой... Ты любил, а я предала, ушла, даже не простившись... Даже не подумав о тебе. Ах, Боже, как я виновата!

– Да, ты виновата и перед ним, – услышала Елена, словно издалека, приглушённый голос доктора.

– Но почему именно я виновата перед всеми? – возмутилась Елена. – Меня довели! Мои коллеги! Бездарные, злые и завистливые!

Вот они стоят толпой за кулисами и встречают её ненавидящими взглядами, когда она покидает сцену под шквал аплодисментов. Им никогда не добиться такого успеха, хоть разбейся с досады об стенку. Она бросает на них презрительный взгляд и проходит мимо, задрвав голову. Самая противная из них – Татьяна Павловна, Танюха – словно случайно подставляет ей подножку. Елена спотыкается и слышит злорадное хихиканье...

– Они меня довели! Они издевались, насмехались, изводили!

– Если Господь наградил тебя превосходным пирогом, поделись с обделёнными хотя бы крошками, не жадничай! – укоризненно произнёс в ответ доктор.

Дальше Елена увидела возвращающуюся за кулисы несчастную Татьяну Павловну, Танюху – так её звали за глаза. Какую бы роль она ни получила, всегда был бесславный провал: вечно забывала слова, фальшивила, переигрывала... Она сама это понимала и, спрятавшись в гримёрку, плакала от досады, проклиная везучую выскочку Ленку.

– А ты не пробовала сделать так? – опять тихо и ласково спросил доктор.

И Елена снова увидела Татьяну Павловну, Танюху, и себя, поджидающую за кулисами и вдруг кинувшуюся обнимать

несчастную Танюху со словами: «Ты меня сегодня поразила, ты просто потрясающе сыграла. Ну, ты умеешь!.. Брось при-бедняться, ты была гениальна!» И Татьяна Павловна, рас-троганная, отвечает дрожащим голосом: «Это правда? Ты не смеёшься надо мной? Тебе правда понравилось?» И Еле-на отвечает: «Теперь бы и мне не подкачать» – и выбегает в свою очередь на сцену.

Кончается спектакль. Артисты упрекают Елену во вранье, мол, Татьяна – какая она гениальная?! «Да провалиться мне на месте, если я вру! – с жаром доказывает свою правоту Елена. – Предлагаю отметить успех Татьяны Павловны, вме-сто того чтобы спорить». И Татьяна Павловна, Танюха, ве-рит Елене больше, чем другим, потому что Елена – прима, звезда, на которую идёт зритель. У неё особое чутьё! Раз-ве не так? И в следующий раз она робко спрашивает Еле-ну: «А сегодня как?» И сама чувствует, что ей игралось как-то легче и свободней, и зрители её принимали теплее... «Да что бы я без вас? – со слезами на глазах говорит друзьям по сцене Елена. – Вы – моя опора, мои крылья! Да, да, да! Без преувеличения! Я – просто та высокая нота, которая ре-жет всем слух, самая пронзительная. А все мы – целая сим-фония». И она раздаёт всем свои цветы и подарки. «Нет! – отказывается Татьяна Павловна, Танюха, и отодвигает её ро-зы. – Это тебе подарили». «Голубушка моя, я так рада, что ты со мной играешь! Бери, ты заслужила, это от меня». И стран-но: Елена чувствует себя такой счастливой, словно не она

одаривает, а её одаривают. Уходя из театра, они трогательно, нежно прощаются, подбадривая друг друга, посмеиваясь над собственными неудачами. Вот Татьяна Павловна, Танюха, садится в машину к мужу и говорит: «Что бы мы делали без Ленки?! Она – настоящая звёздочка: и ярко блеснит, и всех согревает...» «Да, душа коллектива», – поддакивает муж, Валерка...

– Вот как могло бы всё происходить, если бы ты не надувалась от гордыни, а была добрей и внимательней к друзьям по профессии. Разве ты не слышала поговорку «Поступай с другими так, как хочешь, чтоб поступали с тобой»? Если тебе дано быть звездой, не обжигай других, а согревай!

– Я не могла так, это было бы фальшиво...

– Ты ведь актриса, великая актриса! А жизнь – это огромный театр, где каждый играет свою роль. Какая разница между людьми, сидящими в зале, и твоими коллегами?!

– Боже, как я виновата! Перед всеми виновата!..

– Посчитай, сколько раз уже ты вспомнила о Боге! Вся беда в том, что ты раньше о нём не вспоминала, а надо было всегда просить у него совета и благословения, тогда бы всё сложилось по-другому...

– Но если есть Бог, значит, и Ангел-хранитель тоже. Почему же он меня не спас?!

– Почему не спас? Давай-ка вспомним, как всё произошло...

Конец спектакля. Новый успех Елены. Зрители устраива-

ют ей овации, засыпают цветами. Коллеги по привычке раздражены и озлоблены. Елена вся в напряжении, как натянутая до предела струна, того гляди лопнет с оглушительным звоном. Она бежит к такси, торопливо садится и остервенело хлопает дверью. На следующий день репетиция в 12 часов. У неё головная боль: не выспалась. Нервно бегают по комнате, всё валится из рук: одежда, посуда, проливается кофе. Вот она достаёт начатую бутылку с коньяком и ещё не откупоренную с виски. Злые языки напрасно её порочат: она никогда не злоупотребляла спиртным, потому всё цело. Но сейчас нужно хлебнуть. Для храбрости. Она знает, что делать. Ещё ночью решила, и теперь решение совсем окрепло. Она им покажет! О, она их доведёт до безумия, нагонит такого страха, что до конца жизни будут содрогаться от одного её имени! Она отомстит им за всё! Елена открывает бутылку с коньком, пробка летит на пол. Ну и пусть! Взять бокал, а зачем? К чему церемонии, можно из стакана! Руки дрожат, жидкость проливается на стол. Она залпом выпивает, закашливается, хватаясь за горло. Огненная вода, никакого удовольствия. Так, одно сделано. Теперь платье. Где это, которое хорошо горит. Так, надеваем. Теперь спички. Вот они. Оставшийся алкоголь льёт себе на макушку, выплёскивает на платье... разжечь можно на улице. Нет, лучше на лестничной площадке, так удобней. Закрыв дверь, достаёт из сумочки коробок спичек. Ну же чёрт, почему он всё время вываливается на пол? Словно кто-то вышибает из рук. Теперь она

ясно видит того, кто ей мешал, тщетно пытаюсь остановить и образумить: призрачное создание, худенький подросток с детским доверчивым взглядом и крылышками на спине, прекрасный Ангел... Он подаёт знак: не горячись, остынь! Но она как всегда упряма. Пятый и десятый раз наклоняется, чтобы поднять коробок со спичками. Наконец чиркает, но Ангел гасит и ломает спичку за спичкой. А почему у прекрасного светлого Ангела нет одной кисти?.. Ах, да! Вчера, порывисто хлопнув дверью такси, она не дала ему войти и отрубила протянутую к ней руку... Потом Ангел бежал следом за машиной, лавируя в потоке, задыхаясь и плача. О ужас! Сколько же она сотворила зла!.. С горем пополам ей удалось подпалить край платья. Теперь бежать. Бежать в театр. Она побежит дворами, тут недалеко. От ветра огонь будет разгораться. Она вскочит в зал, где все собрались для репетиции, как живой факел. Как они все вытаращат глаза и разинут рты от ужаса! Пусть они почувствуют, как ей больно, как ей всегда было больно! Она бежит в горящем платье, пламя поднимается от подола к лифу, от лифа к голове, лижет жгучим языком кожу, палит волосы... Елена крепко стиснула зубы, чтобы не закричать от боли. Плачет прекрасный светлый Ангел, пытаясь спасти её от гибели. Обжигается, но продолжает бороться с огнём, заходит то справа, то слева, то со спины, прижимается к её груди, чтобы защитить, и сгорает весь, подобно лёгкой паутинке... Выходит, она спалила своего Ангела-хранителя?! «О, Боже, прости меня и помилуй! Да я со-

всем потеряла рассудок! О, Боже, милостивый и справедливый, можно ли мне всё простить?!»

– Смилуйтесь надо мной, доктор! Я не могу больше всё это видеть. У меня не хватает слёз, чтобы оплакивать тех, кого я ранила или погубила. Я поняла. Я всё поняла. Никогда больше я не повторю своих ошибок! Прости меня, Господи, если можешь! Как же я была безумна!

– Довольно плакать! – утешает доктор. – Посмотри, что будет дальше...

Елена увидала перед собой двух прелестных детей. Они резвились и смеялись так весело и радостно, что она улыбнулась им сквозь слёзы. О, да их не двое, а трое! Крошечный карапуз учился делать первые шаги. Какой он милый!

– Можно я возьму его на ручки?

– погоди, ещё навозишься с ними вдоволь! Это твои будущие дети. А вот и отец.

– Серёженька, – выдохнула Елена. – Миленький мой, родненький, прости, если можешь! Я больше никогда... Клянусь, никогда...

– А теперь в путь, – сказал доктор.

Да это и не доктор вовсе, а старец, весь белый, с длинной бородой.

– Куда? – спросила Елена, поднимаясь с постели.

– В новую жизнь. Там ты уже будешь не знаменитостью, а самой простой и очень завистливой бабой...

– Нет, – горячо возразила она. – Я никогда и никому не бу-

ду завидовать. Буду хорошей и доброй...

– Не зарекайся! – усмехнулся старец. Все бездарные завидуют талантам, осуждают и травят. Это непреодолимый людской порок...

– Нет, я не буду завидовать... Вернее, буду подавлять в себе зависть. Я многое поняла, дорого заплатила...

– Нам пора! – сказал старец и взял Елену за руку.

Они направились к окну. Елена оглянулась на оставшуюся лежать на кровати бесформенную массу в кровавых бинтах. Старец распахнул форточку, и они вылетели наружу, прозрачные и лёгкие.

Случайный прохожий, подняв глаза и заметив тающие в воздухе белые клубочки дыма, подумал, что кто-то закурил возле открытого окна...

Горстка черешен

Давным-давно, ещё в студенческие годы, услышала я эту историю, и с той поры мучает меня вопрос, на который никак не могу найти правильного ответа...

В ту пору я жила на квартире у одинокой пенсионерки. Звали её Наталья Павловна. Бывшая медсестра, детей никогда не имела, несколько лет назад потеряла мужа. Мы с ней подружились, столовались и чаёвничали вместе. Старушка была добродушной и тихой, если не уходила в гости, то сидела в своей комнате и смотрела телевизор. Зато её родственники, двоюродная сестра с мужем, жившие за стеной, отличались неугомонностью.

За год я привыкла к этому регулярно повторяющемуся концерту. Продолжительное скрипичное соло на пронзительных тонах: тили-тили-тили, прерываемое иногда двумя-тремя низкими нотами тромбона: бум-бум. Опять: тили-тили-тили. Потом глухой удар, словно надоедливо пищащую скрипку бросили в угол. И тишина. Ни скрипки, ни тромбона. Так выясняли отношения между собой наши соседи, уже немолодая колоритная пара: она, маленькая, чернявая, со следами увядающей красоты, и он, потомок Тараса Бульбы, могучего телосложения, с круглым брюшком.

У нас было общее крыльцо, и мы часто общались. На людях супруги вели себя сдержанно, а ко мне относились, как

мне казалось, с симпатией. Я им отвечала тем же.

С детства я обожала арбузы и, как только они появились в продаже, поспешила купить. Кто-то мне внушил, что самые спелые и сладкие – это самые крупные. По дороге домой после занятий я выбрала на развале самый-самый, так что еле дотащила. На дегустацию великолепного арбуза мы с Натальей Павловной пригласили соседей: для двоих он был слишком велик.

И вот чисто вымытый красавец лежит на блюде, сверкая зелёными боками. Мы дружно занимаем места за столиком на веранде. На меня возлагается почётная обязанность разрезать богатыря, дабы вскрыть его алую сахарную сущность. Все замерли в ожидании. Срезаю круглую шапочку: под нею – зелёный слой. Не такой тёмный, как кора, посветлее, но зелёный. Бывают толстокожие арбузы, режу глубже – та же зелень...

– Мда-а-а, – разочарованно басит «тромбон», Степан Григорьевич. – Разве ж это арбуз?! Смотри мужа такого не выбери! – наставительно обращается он ко мне и встаёт из-за стола, торопится по каким-то делам.

Этот добротный вместительный особняк на окраине города соорудил он сам. Дом на три семьи, три отдельных входа, внизу – подвал с котельной и кладовой.

Если не ошибаюсь, в ту пору Степан Григорьевич работал шофёром-дальнобойщиком.

Мы с Натальей Павловной остаёмся. Как-то неохота рас-

ходиться. И «скрипка», Тамара, жена «тромбона», остаётся с нами. Переходим на чай. В тот вечер я поняла, почему никогда эта женщина не жалуется на мужа, подвесившего ей очередной фингал: это пустяки по сравнению с тем лихом, которого ей пришлось хлебнуть. Да и скандалы супругов – отзвуки прошлого.

Тамара поделилась радостью: на днях приедет младший сын из Ялты. Обещался привезти жену и дочку. Старший, преподаватель университета, живёт здесь неподалёку, часто навещает родителей. Высокий в отца, красивый в мать. Мастер спорта по плаванию.

За чаем с домашним вареньем, по части которого Тамара большая мастерица, разговорились по душам, и она припомнила, как в годы войны с матерью и двумя малолетними сыновьями возвращалась из оккупированной фашистами Украины в Россию. Почему она вспомнила эту страшную историю? Наверно, потому, что никак не могла её позабыть...

Тот июнь 1941 года ничем не отличался от других. Степан сказал:

– Отправлю-ка я вас на лето в свою деревню. Чем в городе париться, лучше там отдохнуть на свежем воздухе. Опять же фрукты, овощи свежие каждый день. Пацаны перед школой сил наберутся. Степан уверял жену и тещу, что примут их хорошо, он уже написал родителям. Их ждут. А какие там огурчики! А молодая картошка! А черешни с вишнями! Ох, сам бы поехал, да работа не пускает. Через месяц, как дадут

отпуск, за ними приедет.

На вокзале обнял тещу, поцеловал жену, ребятишкам приказал мамку слушаться. А потом шёл, бежал за вагоном и махал вслед рукой. Они тоже ему махали, а Тамара плакала, глядя на родное лицо мужа, будто чуяла неотвратимую беду.

Встретили их в далёком украинском селе ласково. Мальчишки быстро нашли друзей. Действительно, место было замечательное: лес, горы, покой, тишина, благодать. Глядишь, не наглядишься. А вареники со сметаной, галушки да простокваша украинские – сплошное наслаждение!

Вдруг объявили по радио, что началась война. Гитлеровская Германия нарушила советскую границу. Наши войска отбиваются. Есть убитые. Много убитых.

Тамара подумала: «Как же там Степан?!» И заспешила домой, надеясь увидеть и проститься, прежде чем уедет на фронт. Родня отвезла их на вокзал, купили билеты. Но поезд остановился на каком-то полустанке, всех высадили...

Дальше они с попутчиками шли по шпалам. Ночевали на лугу, в стогах сена. Ребятишки ничего не понимали, радовались, наблюдая за звёздами. А Тамара с матерью тревожно перешёптывались.

Наутро спохватились, кто-то украл сумку со всеми продуктами: сало, пампушки, малосольные огурцы, яйца вкрутую... Но знакомые попутчики выручили, пригласив к своей родне в ближайшее селение.

Оставшиеся небольшие деньги быстро разошлись на покупку молока для детей.

Как они ни торопились, немцы на машинах оказались проворней. Догнали и обогнали.

Теперь приходилось пробираться по оккупированной фашистами территории. Непривычная, режущая слух чужая речь, рокот мотоциклов, скрежет бронемашин, гул самолётов. Люди опасливо прятались по домам. Некоторые вредили оккупантам, другие с ними сотрудничали.

На площади одной из украинских деревень увидели человека, зарытого в землю по горло. Табличка рядом запрещала под страхом смерти подходить к партизану или подносить ему воду.

Голодные дети жалобно просили кушать. Слава богу, хоть воды из криницы было вдоволь. Никто не впускал в дом, редко кто делился едой. Одни боялись, другие жадничали. Тогда мать Тамары, жалевшая дочку и внуков, преодолевая стыд, стала просить милостыню Христа ради.

– Мне легче, когда в глаза плюют, чем видеть, как вы умираете с голоду, – сказала она дочери.

Однажды, когда они ночевали на сеновале, их разбудил яркий свет фонарика. Тамара испуганно вскочила. На неё навалился здоровенный потный немец.

– Только не надо при детях, – взмолилась она. – При детях не надо! – она показывала рукой на мальчиков. – Степан, Стёпа! Помоги!

Немец потащил её в сторону. Мать кинулась ему в ноги...

Весь следующий день Тамара плакала, сокрушаясь, что Степан не простит. Мать успокаивала как могла. Мальчишки ничего не понимали, но ни о чём не спрашивали, подавленные рыданиями матери и распухшим, окровавленным лицом бабушки.

Казалось бы, теперь из сострадания ей должны были подавать больше, но нет, люди становились всё скупее. Однако самое страшное ожидало впереди.

Это была пора созревания черешни. Жёлтые, розовые, алые, бордовые ягоды сверкали и благоухали на солнце, тяжёлыми кистями оттягивали ветви к земле. Казалось, деревца вокруг украинских хаток украсили к какому-то дивному празднику. Ветки соблазнительно свисали над заборами. Старший мальчишка, отстав от матери и бабушки, сорвал горсть черешен. Они были настолько спелые, что лопались, растекаясь по ладони сладким густым соком. Передав младшему братишке, он сорвал ещё одну для себя.

Младший уже ел, сплёвывая косточки и захлёбываясь от удовольствия, как вдруг над забором выглянула седая уса-тая голова:

– Я вам сейчас!

Не успели женщины, обернувшиеся на крик, подскочить к детям, как старик, выскочивший из калитки, схватил ближнего за ухо и, больно сдавив, пригрозил отвести к старосте.

Напрасно мать и бабушка уговаривали отпустить и про-

стить ребёнка.

– Я вам отработаю. Скажите, что сделать: вымыть, постирать, прополоть, полить. Всё сделаю, пощадите хлопчика! Не ведите к старосте!

Старик был непреклонен.

– Нехай не ворует! – твердил он и крепко сжимал ухо до боли, до слёз.

– Да вы за ухо не тащите, он же оглохнуть может, – взмолилась бабушка. – За руку можно вести. Он никуда не убежит. Не бойся, – шептала она дочери. – Ничего староста не делает. Если убивать, пусть меня, я уже свой век отжила.

Никогда Тамара не испытывала ещё такого страха. И сына жалко, а мать разве нет? Что-то будет. И Степана нет рядом. И никого, кто бы заступился. Только чужие кругом. Господи!

Когда переступали порог комнаты, где сидел староста, у Тамары от страха отнялись ноги, а уши словно заложило ватой.

– Шо прийшов? – спросил староста. – От партизанов життя нема, а вин детину привив! Дай ему пид зад, тай отпусти! Черешня! Хай вона сгниє твоя черешня!

С этими словами староста отвесил подзатыльника мальчишке. Ослабевший от голода ребёнок не удержался на ногах и шлёпнулся на пол. Хозяин черешни захотел добавить, но бабушка, проявив невиданную ловкость, подскочила первой и закрыла собой внука, так что увесистый пинок достался ей.

Самоотверженная была бабушка, оттого и прожила недолго...

Через пару дней после наших посиделок прибыл долгожданный сынок из Ялты. Заботами родителей такой же кровь с молоком, как и старший брат. Инженер и спортсмен-горнолыжник. А ведь был когда-то на волоске от смерти...

Много воды с тех пор утекло. Давно нет в живых доброй Натальи Павловны и Тамары с её Степаном Григорьевичем. Но, вспоминая эту историю, до сих пор не могу понять, что помешало старику поделиться с несчастными женщинами и их ребятишками: «Ешьте досыта, люди добрые! Вон сколько черешни в этом году уродилось! Нам столько не съесть, и на рынок не отвезёшь – война...» Что ему помешало так поступить?

Во чреве городской маршрутки

Чумазая маршрутка с раннего утра до поздней ночи мотается, трясясь на ухабах, по городским улицам. Внутри такая же неумытая, как снаружи. Никто о ней не заботится. Заботят здесь только деньги, которые исправно требуют с пассажиров как с сидящих, так и со стоящих одинаково. Иной раз этих пассажиров набивается столько, что вконец измотанная и растерзанная маршрутка начинает задыхаться. Но она не умеет говорить и не может пожаловаться.

Ах, если бы она умела говорить, сколько потрясающих историй могла бы рассказать! Сколько людских судеб пульсирует в её чреве ежедневно, сколько разговоров и мобильных звонков разрывает её маленькое воздушное пространство!

Вот у окна, напротив водителя, примостилась молоденькая девчонка, тут же прижала мобильник к уху и залопотала так тихо, что не только соседям, но даже самой маршрутке почти ничего не слышно. Только обрывки фраз: «...Почему не позвонил вчера?.. Я долго не спала... Можно закрыться подушкой – родители не услышат... Ждала твоего звонка...»

Сразу понятно – любовь.

Зима выдалась в этом году суровая.

Метель. Ветер со злостью бьёт снегом в бока и по крыше, словно из мести. Вот же злыдень! Потаскал бы, как она, кучу людей, тощих и корпулентных, во всей зимней амуниции:

шубах, свитерах, сапогах да ещё с огромными сумками, перестал бы задираться и носиться колесом. По земле бы стелился травой.

На остановке заползает тётка в коротком жакете и длинной юбке, вся промёрзшая насквозь, как норвежская треска. Бесстыжий разбойник-ветер, без сомнения, нагулялся вдоль и поперёк под этой юбкой и снежка не одну пригоршню закинул. Риелторша вприщур разглядывает бумагу в прозрачной пластиковой папке и, еле шевеля замёрзшими губами, спрашивает сидящую рядом даму, далеко ли отсюда до дома 98. Дама вскидывает лицо от открытой книжки, вглядывается в незнакомку, потом громко просит водителя остановиться у дома 98. Риелторша выходит, осторожно ступая по скользким ступенькам, чтобы не свалиться, и не видит, как дама с книжкой провожает её взглядом: «Узнала она меня? Похоже, нет. Или сделала вид, что не узнала».

Эх, молодость, молодость... Приятно вспомнить, да не обо всём. Как звали длинноногую блондинку, с которой они одно время подрабатывали на почте: Нина, Зина?.. Выпало из памяти. Помнится, как эта Нина или Зина толкнула её однажды в грудь. Из-за парня. Локтем. Резкая боль долго не утихала. Пожилая почтальонша покачала тогда головой и заметила, что это чревато... Потом всё забылось. Но лет через десять на этой самой груди образовалась опухоль. Сколько страху и слёз под дверью онколога! Сколько таких дверей пришлось пройти, сколько мучений испытать!

И вот теперь они встретились. Совершенно случайно. И жертва сразу узнала палача, даже постаревшего и посиневшего от зимней стужи. Как не узнать?!

Чумазая маршрутка торопится по городской дороге, прихрамывая на колдобинах. Внутри полным-полно народу. Везунчики сидят, невезучие стоят, уцепившись свободной рукой за спинку кресла или поручень. Резкий тормоз – стоячие валятся друг на друга по ходу. Маршрутка рванулась вперёд – повалились в другую сторону.

Если про любовь говорят вполголоса, почти шёпотом, то о других вещах можно балабонить на полную громкость. Или на всю маршрутку.

– А? Чево?.. Ну вы даёте! Вы же вчера дали мне письмо, что я ничего не своровала, а сегодня уже вон... другое говорите... Чево-чево? Кольцо обруча... золотое... Память... А я тут при чём? Может, это Верка взяла. Ну, какая, какая... Та, которую я вам привела вместо себя в горнишные. Да, Верой её звать. Вот она могла. А я не воровала. Потому с вас письмо и взяла, чтоб потом без претензий... А что ещё пропало?.. А где лежало?.. Не, не, я не воровала. У меня и письмо ваше имеется...

Крупногабаритная баба лет сорока с коротко подрубленными рыжеватыми кудрями отбивается самоуверенно и нарочито громко, словно призывая на помощь попутчиков.

А те невольно прислушиваются, кто сочувственно, кто на-

смешливо, кто осуждающе.

– Не знаю, кто вас обчистил, не знаю. Я у вас ничего...

Толстуха перекладывает мобильник от правого уха к левому. И уже тоном потише:

– Вы плачете, Светлана Петровна?.. Чево вы плачете?..

На остановке горничная торопливо протискивается к выходу, и за ней в тесной маршрутке въётся шлейф странного букета: рабочий пот с дорогими духами.

Этот кавказец сел на конечной. Мест свободных полно, но он выбрал самое дальнее, в углу. Развернул пакет и принялся жадно поглощать шаурму. Наклонился, чтобы не запачкать костюм. Смущённо поглядывает на прибывающих пассажиров: не привык есть вот так. Но очень оголодал. Не обессудьте. Вытер рот и руки салфеткой, свернул её несколько раз, озираясь вокруг. Не нашёл, куда сунуть. В карман тоже нельзя: грязная. Положил себе под ноги.

Стал кому-то звонить: «Сегодня прилетел. Еду по делам. Потом к племяннику. Да, да, конечно, встретимся...» Только спрятал мобильник – звонок.

«Сегодня, наверное, не вернусь. Только завтра. Сперва кое-какие дела уладить, потом племянника надо навестить. Посидим, поговорим... Нельзя спешить. У него останусь. Чего ты беспокоишься? Всё у меня хорошо».

И уже сердито и твёрдо: «Не могу быстро вернуться. Сказал же: с племянником надо поговорить...»

Тишина. Через несколько минут звонит сам. Набрал номер, и ещё раз, и ещё...

С мягким упрёком: «Почему телефон не берёшь? Чего ты беспокоишься за меня... Жена-жена... Всё у меня хорошо. Я среди друзей... Зачем тебе их имена, ты их всё равно не знаешь... Хорошо, хорошо... Если быстро закончу дела, приеду... Как закончу, позвоню... Куда еду? Я же сказал: к племяннику. Давно не виделись. Посидим, поговорим... Чего боишься? Ну, ты как маленькая девочка... Обещаю... Постараюсь сегодня вернуться...»

Некоторое время он сидит, сжимая в руках мобильник и склонив голову. О чем-то сосредоточенно думает. Потом кому-то звонит. Впервые говорит не по-русски. Снова задумчиво теревит в руках телефон. Невидящий взгляд устремился в окно. Набирает чей-то номер: «Сегодня приехал... Да... Сейчас еду в маршрутке...»

Снова тишина.

В который раз он прижимает к уху телефон. У голоса такой тёплый тембр, как волна от обогревателя: «Братишка, я уже подъезжаю на маршрутке. С кем, ты говоришь, я должен встретиться? С начальником РУБОП? Понял... Как зовут? И где его найти? Ты скажешь? Сейчас буду выходить».

Он встаёт, высокий, широкоплечий, пробирается к выходу. Просит остановить на следующей. Садится впереди на свободное место. Телефон лежит глубоко в кармане.

Маршрутка трогается с места, оставляя одинокого пасса-

жира на пустынной улице. Ранние зимние сумерки. Злой ветрище безжалостно крутит снежинки в дикой пляске, раздувает полы расстёгнутого пальто. А человек, подняв голову, шагает навстречу вьюге, как навстречу смерти. Колючий снег хлещет по лицу, вышибает слёзы, забивается под ворот белой рубашки с галстуком. А он шагает, ничего не чувствуя, как очумелый: или ты пан, или совсем пропал...

Чумазная маршрутка катится по дороге. О, сколько человеческих судеб она знает! Но к сожалению, никому не может помочь. Чумазная маршрутка... снаружи и внутри... Заезженная, затоптанная, как человеческая судьба. Как человеческая жизнь. Не все же могут шагать навстречу пурге, распахнув пальто, испытывая судьбу: пан ты или пропал?..

Девочка на пригорке

Она шла в сторону заката по едва заметной пыльной тропинке среди глинистой пустыни со скудной растительностью. Впереди пожаром полыхал горизонт. Из-под ног с криком взлетела испуганная птица. Стая мошкары вуалью накрывала голову и липла к лицу...

Неожиданно сзади раздался до боли знакомый голос: «Зина, Зиночка!» Этот единственный в мире голос не спутаешь ни с каким другим... Так ласково её окликал только один человек – мама...

Она оглянулась, почувствовала непрошеные колющие слёзы в глазах и крепко прижала к себе, а вернее, прижалась сама к тёплому и доброму телу матери... Как давно они не делились!

Её сотрясали рыдания, а мать утирала ей лицо и приговаривала:

– Не плачь, девочка моя...

– Мама, никто никогда не любил меня больше, чем ты: ни мужчины, ни дети... А ведь я их жалела больше тебя... Прости!

– Девочка моя, милая, глупенькая девочка моя...

Они говорили и не могли наговориться...

– А помнишь, я всем купила домашние тапочки, всем, кроме тебя... Прости меня!

– Я тоже тебя обижала порой... Помнишь, как я спрятала мёд? Не объяснила тебе ничего, а просто спрятала. Ты тогда болела, тебе он был нужен, а я спрятала...

– Не кайся, я потом поняла, почему ты так сделала... Потом поняла, не сразу...

Теперь они шли, обнявшись, по тропинке, ведущей на запад, туда, где солнце выплеснуло в небо свои самые яркие краски. Но вот они стали бледнеть, повеяло прохладой и сыростью...

– Тебе холодно, – прошептала мать. – Давай разведём костёр!

Они принялись собирать на земле всё, что могло гореть. Насыпали кучу. Мать достала из кармана помятую коробочку спичек, чиркнула... Огонь осветил её лицо... Она счастливо улыбалась, и не было на свете художника, который изобразил бы такое прекрасное выражение...

– А помнишь? – они вспоминали, перебивая друг дружку. – А помнишь?.. – И крепко обнимались, плакали или смеялись...

– Помнишь, как мы собирали грузди? У тёти Гани в Шиповом лесу... Сколько же их там было! Приносили несколько вёдер, а потом чистили до умопомрачения... Солили в специальной дубовой кадушке под гнётом... Ах, как вкусны солёные грузди!

– Да, и запечённые со сметаной или сливками не хуже...

– А сколько там росло дикой малины, дух какой от неё

стоял на разогретой под солнцем просеке! Перед тем как идти по малину, носки надевали толстые, чтобы змеи за ноги не кусали...

Зинаида переводит глаза на ноги матери, которые та придвинула к костру, чтобы согреть. Голые стопы сплошь в ранках и крови.

– Ты шла босиком? У тебя нет обуви?

– Я специально сняла туфли...

Мать всегда любила ходить босой. Считала, что так полезно для здоровья. Но здесь полно колючих растений и острых камешков... Припомнился рассказ матери, как в войну она шла куда-то по осенней промёрзшей дороге, приберегая единственные туфли, чтобы не стоптать...

– Почему ты разулась? У тебя изранены ноги... Разве не больно так идти?

– Я искупаю грехи перед тобой, мужем, родителями, перед всеми, кого обидела...

– Искупаешь грехи?!...

– Да. У меня их много, очень много...

Зинаида берёт в руки материнскую стопу, внимательно разглядывает... Помыть бы, да нет воды... И приложить подорожник, жаль, он здесь не растёт, не видно нигде... Но от слезы, упавшей на ногу матери, уходит грязь и затягиваются ранки.

– Я грехов наделала больше тебя, мама...

– Нет. Ты хорошая, славная, милая, моя девочка! Тебе

не в чем каяться. Я счастлива, что родила тебя!

– Не говори так, не то я снова разревусь. Просто ты мне всё простила...

– Тебя не за что прощать. Не помню ничего плохого из твоих поступков, только хорошее...

– Это ты запомнила только хорошее... Спасибо, мама.

– Правда, правда! Ты много делала хорошего, а у меня не хватало времени подумать и оценить...

– Господи, да кто у кого должен просить прощения?! Давай лучше переменим тему. Ты так хорошо пела! Родись ты в другое время и в другой семье, могла бы стать знаменитой певицей, как Мария Максакова, к примеру...

– Девочка моя! Как я хотела, чтобы ты жила лучше меня и счастливей...

– Ты мне всё дала, что могла. Я тебе благодарна... О чём ты задумалась, мама? Что тебя тяготит?

– Ничего. Я рада встрече с тобой, ты не представляешь... Расскажу тебе один старый анекдот, чтобы ты поняла, как жили раньше в русской деревне, откуда я родом. Можешь меня презирать, мне теперь не страшно. Мне больше ничего не страшно...

– Презирать?! Да как я посмею?! О чём ты говоришь, мама...

– Итак, представь, идёт странник по дороге. Издалека, из святых мест. Раньше так много народу ходило в Киевскую лавру, к примеру... На пути – деревня. Бедняцкая рус-

ская деревушка, маленькие хатки, покосившиеся заборы, ни одного деревца у дороги, чтобы в тени отдохнуть... Летнее солнце беспощадно палит. Пот струится по спине, и жажда донимает. Увидел мальчугана на улице и попросил воды. Тот уже побежал к дому, потом остановился и переспросил. «Тебе, дяденька, воды или лучше квасу принести холодного из погреба?» «А принеси кваску, если не жалко!»

Приносит парнишка глиняный горшок с квасом, путник припал к нему, напился вволю, а потом и спрашивает: «Отчего так долго не приходил, родители не пускали?» «Так квасу осталось на самом дне, – отвечает деревенский мальчишка. – Мне пришлось в кадушку залазить, чтобы зачерпнуть. А края склизкие, еле назад выбрался». «Ты в кадушку с ногами залезал?» «А как же иначе?!»

Странник поглядел на ноги мальчугана, по щиколотку мокрые и грязные, да ещё в цыпках, видать, никогда их не мыл. Стошнило странника, бросил он с досады горшок об землю, тот раскололся пополам, выпуская остатки кваса. А мальчишка как закричит со слезами: «Что же ты, дяденька, наделал? Я к тебе по-хорошему, а ты? Куда же я теперь ночью писать буду?!»

С детства я мечтала, чтобы мои дети выросли образованными и культурными, как наша учительница или фельдшерица! Две у нас такие дамы были на всю деревню. Как я ими восхищалась!..

– Надо бы ещё веток в костёр подбросить. Ты посиди, ма-

ма, я сама наберу.

– Чего сидеть без дела! Вдвоём лучше спорится.

– Давай что-нибудь приятное вспомним?

– Давай! Только вот не знаю, что бы такое...

– Как мы варенье вишнёвое варили во дворе на костре допоздна в специальном медном тазике. Уже темно кругом, а ты всё его помешиваешь и на блюдечко капаешь, чтоб узнать, готово или нет... Какое оно было вкусное! И пироги с вишнёвым вареньем у тебя получались отменные. Настоящее песочное тесто, рассыпчатое. Ты мне рецепт не оставила, я много раз пыталась так же сделать, не получается...

– Разве не оставила? Ай-ай-ай! Мне казалось, что оставила... Ты смотрела в старой кулинарной книге, сталинской? Там должен храниться листочек... Как же я так?!

– А помнишь, как мы с тобой «Наполеон» пекли? У меня все ладони болели от скалки. С вечера пекли коржи, варили крем, намазывали, а утром можно было есть... Пожалуй, «Наполеон» был вкуснее, чем песочный пирог... И рецепт остался. А ещё хворост твой я любила. Его мы почему-то давно не лепили...

– Да, ты права. Давно не делали хворост. А тебе хотелось? Тебе не холодно? Иди ближе, укурю краем пальто...

Мамино пальто. Серо-голубое, широкое, которое она носила в последнее время. Её любимое пальто. Почему? Может, потому что удобное...

– Нет, мне не холодно. Но я к тебе поближе сяду. И обни-

му. Вот так. Родная ты моя. Как много я наделала глупостей, не слушаясь тебя!

– Это я зря тебе надоедала советами. Ты была уже умнее и образованнее меня...

– Умнее ты всегда была. И не спорь, я в этом столько раз убеждалась... А давай-ка споём с тобой!

– Как ты хорошо придумала! Мне и самой петь захотелось, да думаю, ты не захочешь...

– Почему это?! Очень даже хочу. Что споём? Запевай, а я подпою!

– Ох, и не знаю... Может, вот эту: «Зачем тебя я, милый мой, узнала...» Я на гитаре могла её подыгрывать...

– Обойдёмся без гитары... «Ах, лучше бы я горяшка не знала, // Забилось бы моё сердечко вновь»... Теперь давай украинскую: «Мисяц на небе зироньки сяють, тихо по морю човен пливе»...

– Как хорошо! Давно я не пела... Смотри, вон там звёздочка блестит...

– Не вижу...

– Вон туда посмотри! Теперь видишь?..

– Давай ещё споём, про оренбургский платок, твою любимую: «Я его вечерами вязала для тебя, моя милая мать...» А теперь эту, старинную, с детства помню: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии блистали...» Когда к вам приходили гости, всегда пели за столом. Сейчас уже не поют. А зря. Такие душевные песни!

– Что ты ещё помнишь?

– Помню, у тебя было панбархатное платье вишнёвого цвета. Такое блестящее, переливающееся... Ещё помню, когда была студенткой, сколько ты мне всяких нарядов накупила. И золотое колечко с аметистом. Моё любимое. Мы тогда были в гостях у дяди Миши, и его жена накинулась на тебя: «Почему у Зины нет ни одного золотого украшения?!» Она была помешана на золоте. Ты застыдилась. Повезла меня в ювелирный магазин на улице Горького и сказала: «Выбирай!» Мне понравилось тонюсенькое с крупным прозрачным камнем. Словно распутившийся цветок на тонком стебле... Оно дорого стоило... И себе ты тогда купила попроще и подешевле. У тебя самой ведь до той поры не было золота...

– Ты запомнила, а я уж и позабыла... Расскажи ещё что-нибудь, люблю тебя слушать.

– Помнишь, ты купила себе пальто с роскошным воротником из песка? Чтобы воротник не сносился, ты его отпоролла и надевала только по торжественным случаям. Песец этот был такой пушистый! И цвета редкого – голубого! В общем, песец голубых кровей. Королевский песец. Пальто уже износилось, а песец всё ещё блистал первозданной красой. Ты была удивительно бережливой! Когда я училась в университете, выпросила у тебя этого голубого песка себе на пальто. Его безжалостно разрезали на куски: один пришили на капюшон, два – на рукава. Так что песец послужил дважды: тебе и мне. Осталось ещё несколько мелких кусочков, которые

пошли на отделку платья – помпоны к поясу. Ты невзлюбила эти помпоны, наверное, жалела своего раскромсанного красавца...

– Верно, жалела. У меня никогда больше такого не было...

– Я всё мечтала закупить тебе подарков, когда начну сама зарабатывать...

– Ты мне и накупила. Столько всего подарила! Я их берегла...

– Это мелочи. Я хотела шубу тебе красивую, шапочку норковую подарить... Но так и не...

– Какие ты мне сапожки белые подарила! Сестра моя, Нюра, когда приехала из Питера в гости, обзавидовалась.

– Про сапожки я позабыла...

– А я вот помню. Много твоих добрых поступков помню...

– За мужа простить тебя не могу. Зачем ты за ним шпионила? Через тебя мы ссорились...

– Хотела как лучше... Чтоб он тебя не обманывал...

– Медвежья услуга...

– Вот потому и шла босиком...

– Всё, закрыт вопрос! Прощаю. Туфли... Где туфли твои?

– Да вот, в кармане...

– Давай на ноги тебе надену!

– Я и сама.

– Нет, я тебя обую. Мне хочется, не откажи, пожалуйста!

Пока Зинаида ладонями оттирает ноги матери от пыли

и натягивает на них туфли, мать наклоняется и целует её в затылок.

Они ещё несколько раз подбрасывают веток в костёр. Поют про тонкую рябину, что качается одиноко.

Потом Зинаида кладёт голову к матери на колени и засыпает умиротворённо.

И много воспоминаний проходит у неё во сне, близких и совсем далёких...

Роддом. Она открыла глаза и поглядела в сторону окна. Оно совсем рядом, чистое, большое. В нём видно синее небо с белыми облаками и зелёные верхушки деревьев. Всё в щедром золоте солнца. Ещё бы – первое июля, пуп лета. Прошлой ночью у неё родился первенец. Девочка. Очаровательная. Зинаида поклялась, что ничего не пожалеет для её счастья. Даст то, что сама не получила в детстве от матери. Уж как она старалась!..

Её собственное детство... Бабушкин домик под красной железной крышей. Под окном – огромный куст жёлтых роз с жужжащими пчёлами. Огород, покато спускающийся в глубокий овраг...

Со дна оврага не видать бабушкиного домика, видно только высокую старую грушу на вершине склона. У неё мелкие, но сладкие плоды. Бабушка их сушит на компот. А в глубоком дупле живёт горlinkа, которая воркует протяжно и жалобно. Бабушка говорила, что она плачет по пропавшему мужу...

Вот здесь-то Зина и увидела впервые свою лучшую подружку, Марусю, которая потом столько раз её выручала... Почувствовала на себе любопытный взгляд, оглянулась и увидела деревенскую девочку на пригорке, под старой грушей. Загорелая, босоногая, стоит и косу свою длинную тербит. Личико премилое... С той поры она неизменно появлялась, когда требовалась помощь...

На Зине пёстрый сарафанчик, белая панамка, белые носочки с розовой каёмочкой и туфельки с пуговичками. Мама её принарядила, чтобы идти на Головище за родниковой водой. Это глубокая впадина, на дне которой бьют ключи. Вода в них студёная до ломоты в зубах и прозрачная, как стекло! От родников бегут ручейки, которые, не найдя выхода, снова прячутся под землю... Дно ручейков усыпано разноцветными камешками...

Здесь мать раз искупала Зинку в ледяной воде. Намылила, а потом окатила из ведра. Сколько Зинаиде было лет? Кажется, ещё в школу не ходила. Наутро голова словно налилась свинцом... Вдруг прохладная ладошка опустилась на пылающий лоб. Открыв глаза, снова увидела милую девчушку с пригорка.

– Как тебя звать?

– Маруся.

– Хорошее имя, Маруся.

– Ничего особенного. Простое деревенское. У нас полдеревни так кличут...

Заботами Маруси Зинка и выжила.

Чего мать сделала для неё больше: хорошего или плохого?

Пожалуй, плохого.

Вырастила из Зинки трудоголика и чистюлю.

Никогда не забыть, как мать заистерила однажды, когда Зинка попала под струи из чужого таза в общественной бане!

В первом классе Зинка возненавидела школу тоже благодаря усердию матери. Тогда заставляли выводить каждую буквку по прописям тонкой и жирной линиями. Мать сидела над ней, добиваясь каллиграфического правописания. Зинка терпела день, другой, а потом заявила, что не хочет больше учиться. Мать принялась уговаривать и задабривать. Повела в магазин и пообещала купить сладости, какие только понравятся. Зинка чувствовала подвох. А когда продавщица объявила, что не продаст конфеты, если Зинка отказывается ходить в школу, догадалась о сговоре...

Учёбу Зинка всё же продолжила. Ей нравилось узнавать новое. Мама больше не упорствовала со своими методами. Может, отец запретил. Именно он отвёл её первого сентября в первый класс, мама в тот день дежурила в больнице. Сам одел, причесал, привязал бантик к волосам и отвёл за ручку. А после школы отвёл к фотографу сделать фото на память: худенькая девчушка с острыми коленками в белом передничке и тёмном платье с кружевцем на стоячем воротничке и манжетах. Кружевце пришила мама...

Ещё раз мать чуть не угробила её, накормив приправой

к блинам. Приправу эту делали в деревне родители матери, растирая с сахаром зелёные конопляные зёрна. Мать, по-видимому, хотела удивить чем-то новеньким мужа, Зинкиного отца. Но отец, попробовав, сплюнул со словами: «Какая гадость!». А Зинка, чтобы не обидеть мать, ела, преодолевая тошноту. Угостились вечером.

Всю ночь Зинка тщетно пыталась выкарабкаться из глубокой ямы с обсыпавшимися краями... Бедная Маруся бегала вокруг, пытаясь помочь...

Наутро Зинку парализовало. Она не могла ни встать, ни пошевелиться, ни даже говорить.

Бабушка несколько раз подходила к её кровати, умоляя произнести хоть слово... Верная Маруся не покидала ни на минуту и моросила слезами...

Школа... Полным ходом идёт подготовка к новогодним праздникам. В хореографическом кружке, куда Зинка записалась, разучивали вальс снежинок.

За неделю до выступления руководительница кружка раздала всем снежинкам выкройки пачек, которые следовало пошить из марли, густо накрахмалить и по возможности украсить блёстками.

Мама сшила, накрахмалила и разгладила. Обряд украшения был долгим: Зинка мелко кромсала ножницами ёлочный дождик и фольгу от шоколада, мама брызгала на марлевую пачку жидким клеем, а затем обсыпала блестящим крошечным. Страхивала и снова обсыпала. Так надо было украсить

весь лиф, и каждую оборочку, и ещё белые балетные тапочки...

Когда Зинку сморил сон, она видела сквозь слипающиеся ресницы, что их с мамой заменила Маруся...

В день выступления Зинка в своём наряде переливалась и искрилась, как настоящая снежинка.

– Шикарный наряд! – похвалила учительница танцев.

– Славно у нас получилось! – радовалась Маруся, помогая Зинке освободиться от костюма. – Знаешь, меня научила так украшать одежду старая полька, у которой я жила на квартире. Она меня научила всё делать красиво, даже выстиранное бельё развешивать: кофту к кофте, юбку к юбке, на видное место что получше, а что похуже – спрятать в глубину...

Зинка едва её слушает. Ишь, разговорилась от радости, тараторка!

Над чем сосредоточилась Маруся?.. А, собирает подснежники, ярко-синие граммофончики, которые спешат раньше всех навстречу солнышку, лишь только растает снег... Их расцветает так много, словно землю укрывают к празднику скатертью, расшитой лазоревым шёлком!

Маруся положила перед собой букетик и теперь тщательно перебирает, выбрасывая случайные травинки. Тонкие пальчики бережно складывают цветок к цветку.

Поднимает голову и, увидев Зинку, радостно улыбается и протягивает ей цветы.

Зинка не хочет брать. Улыбка гаснет на милом личике

Маруси, детские пухлые губы шевелятся, словно хотят что-то сказать... Удивлённо и огорчённо уставилась она на подснежники, которые отказались взять: «Почему? Они не красивые? Ты их не любишь?» Зинке бы поблагодарить, обнять и поцеловать эту славную девочку. Но у неё приступ вредности...

Отец куда-то уезжает надолго. Мать уходит на всю ночь, оставив семилетнюю Зинку одну в квартире. Шторы она постирала, а окна закрыла газетами с ужасными чудовищами на страницах – карикатуры Кукрыниксов на американский империализм. Зинка с головой зарывается в одеяло, спасаясь от ужасиков... Мать, пропадая ночами, говорит, что уходит на работу, и маленькая Зинка верит и отпускает её, полуживая от страха...

Новое сновидение: Маруся вышивает батистовую кофточку при свете горячей печи. На керосин для лампы нет денег. Склонившись к огню, старательно выстраивает крошечные крестики из разноцветных ниток. Исполняет заказ. Дополнительный заработок, чтобы купить ещё ниток и вышить такую же модную кофточку для себя. Днём – работа в больнице, вечером – репетиции хора, где она солирует, ночью – вышивание...

Ай да Маруся, какая красавица! Как идут ей эти туфельки: чёрный лак с замшей, высокие шпильки, хомутики с пуговками. От таких не отказалась бы сама Марлен Дитрих! Прошлась по комнате, снимает, ещё долго разглядывает, гладит

руками, потом аккуратно складывает в коробку. В конечном итоге они достаются Зинаиде, студентке университета...

Зинаиду распределили в сельскую школу. Молодым учителям надо где-то переждать: квартира для них будет готова только через неделю. Зинаида может пожить у родителей, час езды на электричке, а вот другой девушке, учительнице физкультуры, деваться некуда... Зина привозит её к себе домой, не зная о последствиях.

Всю неделю мать неустанно с утра до вечера пилила Зинку:

– Зачем она тебе? Пожалела, видите ли! Учти: она красивее тебя, опасная соперница...

Зря надеялась, что всё сложится мило и мирно, а вот не сложилось. По ночам, когда тихо плакала в подушку, Маруся утешала: «Всё ты сделала правильно! А насчёт красоты, так, по мне, нет никого лучше тебя...»

Зинаида просыпается, обрывая цепочку снов...

Мать отчего-то разволновалась, беспокойно вертит головой и торопится встать.

– Мне пора. Я засиделась. Встретилась с тобой и обо всём позабыла! Видишь ту звёздочку?.. Как ты её не видишь, она такая яркая?! Это мой путеводитель. Надо успеть, пока она не погасла... Дай-ка тебя обнять на прощание, девочка моя.

– А разве мы не можем идти вместе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.